

*Посвящается
Тихуане Тернер и Эми Холтер*

*Спойлер: в этой сказке принцесса
спасает себя сама.*

Плейлист

«Can You Feel My Heart» — Bring Me the Horizon

«If You Can't Hang» — Sleeping with Sirens

«Time to Dance» — Panic! At the Disco

«Roadgame» — Kravinsky

«Iris» — Goo Goo Dolls

«Bite My Tongue» — Meet Me at Six

«My Own Summer» — Deftones

«Famous Last Words» — My Chemical Romance

«Hideaway» — Kyko

*Говорят, что не существует двух одинаковых
снежинок. Каждая из них прекрасна и завораживает
своим собственным уникальным силуэтом.*

Они символизируют чистоту.

*Но любой снежинке, которой посчастливилось
достичь земли, суждено быть запятнанной грязью.
Снежинки преподносят нам урок: если ты проживешь
достаточно долго, то в конечном счете испачкаешься.*

Но даже эти пятна не затмят твою красоту.

Пролог

Бэйн

Ранее

Лжец.
Мошенник.
Безбожный вор.

Моя репутация представляла собой огромную волну, которую я оседлал. Она поглотила все мое окружение, затопив любые попытки посягнуть на то, что принадлежит мне.

Я известен как торчок, но моим настоящим наркотиком стала власть. Деньги ничего не значили. Они осязаемы, следовательно, их можно легко потерять. Видите ли, для меня люди были игрой. И я всегда знал, как победить.

Передвинуть ладью.

Сменить ферзя при необходимости.

Охранять короля все это время.

Я никогда не отвлекался, не сдерживался и не завидовал.

Так вот представьте мое удивление, когда я обнаружил себя сразу в трех этих состояниях.

Сирена с угольно-черными волосами лишила меня возможности покорить самую большую волну, которую

я видел тем летом. Лишила драгоценной внимательности и моего чертова дыхания.

Она скользила по поверхности океана к пляжу, словно наступающие сумерки.

Я сел верхом на свою доску для серфинга и откровенно пялился на нее. Эди и Бек остановились рядом со мной, покачиваясь на досках.

— Это девушка Эмери Уоллеса, — предупредила Эди.
Вор.

— И она самая горячая штучка в городе, — усмехнулся Бек. *Мошенник.*

— Что важнее, она встречается только с богатенькими ублюдками.

Лжец.

У меня имелись все компоненты, чтобы ее заполучить.

Ее тело напоминало пятно свежего снега: белое, светлое, будто насквозь просвеченное солнечными лучами. Ее кожа бросила вызов природе, а задница бросила вызов моему здравому смыслу. Но именно слова на ее спине заставили мой мозг взбунтоваться.

Дело было не в изгибах ее тела или в том, как она покачивала бедрами, похожими на спелое яблоко, что вполне оправдывало мою реакцию на нее.

Мое внимание привлекла татуировка, которую я заметил, когда девушка проплыла мимо меня: слова, прямой стрелой плавно стекающие от самого затылка вниз.

**Вся моя жизнь была залогом
этой встречи с тобой.**

Пушкин.

Я знал только одного человека, который был помешан на русском поэте, и, как и знаменитый Александр, он уже покоился в могиле.

МЯТЕЖНЫЙ

Мои друзья начали грести к берегу. А я не мог пошевелиться. Казалось, что мои яйца стали на десять тонн тяжелее. Я не верил в любовь с первого взгляда. Страсть — возможно, но и это неподходящее слово. Нет. Эта девчонка чертовски *заинтриговала* меня.

— Как ее зовут? — я схватил Бека за лодыжку, притягивая обратно к себе.

Эди остановилась и оглянулась, ее взгляд метался между нами.

— Неважно, братишка.

— Как. Ее. Зовут? — повторил я, раздраженно сжав челюсть.

— Старик, она же слишком молода.

— Я не буду повторять трижды.

Бек нервно сглотнул. Он слишком хорошо знал, что я не шучу. Если она совершеннолетняя — я в деле.

— Джесси Картер.

Джесси Картер должна была стать моей еще до того, как узнала о моем существовании.

До того, как я узнал *ее*.

До того, как ее жизнь перевернулась с ног на голову и судьба девушки переписала себя ее же кровью.

Итак, вот правда, которую даже моя лживая задница не признала бы позже, в нашей истории — я хотел ее раньше.

Раньше, чем она стала частью бизнеса.

Раньше, чем правда заперла ее в клетке.

Раньше, чем тайны хлынули наружу.

В тот день я так и не серфил.

Моя доска сломалась.

Следовало догадаться, что это знак.

Мое сердце следующее на очереди.

И для маленькой цыпочки она проделала чертовски большую работу, уничтожив его.

Джесси

Ранее

Той ночью было полнолуние.

Это даже смешно, если не сказать безвкусно. Какое-то дурацкое клише, верно? Беременная, толстая, призрачно-белая луна торжествующе сверкала, освещая ночь, которая изрезала мою судьбу, мою личность, мой живот глубокими, блестящими ранами.

Я смотрела на нее, такую спокойную и безмятежную. Красивые вещи часто оказываются бесполезными.

Не стой же без дела. Позвони в полицию. Вызови «Скорую». Спаси меня.

Я задалась вопросом: умру ли я? Если да, то как скоро Пэм заметит мое отсутствие? Сколько времени потребуется Даррену, дабы убедить ее, что я всегда была проблемной? *«Хорошей*, — утешал бы он в своей шепелявой манере, — *но проблемной»*. И как скоро она с ним согласится? Сколько пройдет времени до того, как батончик «КитКат» на отцовском надгробии растает под палящими лучами солнца?

«Какая жалость. Такой прекрасный ребенок», — скорбели бы они. Нет ничего лучше мертвого подростка для того, чтобы сплотить общество. Особенно в городке Тодос-Сантос, где трагедии случались только в газетах и на канале CNN. О да. Это бы подкинуло им почву для разговоров. Запретная и восхитительная сказка о падении с пьедестала нынешней светской львицы.

Осознание медленно настигало меня. Эмери, Генри и Нолан не понесут даже легкого наказания. Общественные работы? В моих мечтах. Это для *меня* уже подготовлено публичное унижение в виде недовольных взглядов и отмененных приглашений на вечеринки загородного клуба в следующем году. Я была чужаком. Смертная

МЯТЕЖНЫЙ

идiotка, спутавшаяся с королевскими особами голубых кровей Тодос-Сантоса.

Я знала, что им все сойдет с рук. Они поступят в колледж и будут посещать вечеринки. Выпустятся и подбросят свои дурацкие шапочки в этот дурацкий воздух. Они женятся, родят детей, будут устраивать встречи с друзьями и каждый год вместе кататься на лыжах. И они будут жить. *Боже, они будут жить.* Мысль о том, что их происхождение и деньги позволят им избежать правосудия, сводила с ума. Потому что независимо от того, соскребут ли меня с этой дороги живой или же бездыханной, я уже знала, что мертва. Мертва во всех самых важных местах.

На одно мгновение я стала прежней Джесси и попыталась взглянуть на вещи с другой стороны. Для февраля погода была хорошей. Не слишком жарко, но и не холодно. Пустынный зной, прилипавший к моей плоти, разбавлялся прохладой асфальта подо мной. Многие жертвы насилия возвращались к привычной жизни. Я могла бы поступить в колледж за границей. Даррен мастерски умел вкладывать деньги в проблемы, заставляя их исчезать. Я смогла бы начать жизнь заново. Забыть о том, что это когда-либо происходило со мной. Разве сейчас не прибегают к гипнозу, чтобы забыть подобные вещи? Я могла бы спросить у Майры, психотерапевта, к которой меня отправили родители, когда начали сниться кошмары. Наука не имела границ. Наглядный пример: благодаря ботоксу моя сорокалетняя мама выглядела на двадцать три.

Мелкие острые камешки впивались мне в спину. Мой розовый кружевной лифчик и трусики валялись где-то рядом, и хотя нижняя часть моего тела онемела, я все же чувствовала, как что-то стекало по бедру. Кровь? Сперма? В тот момент это уже не имело значения.

С полной решимостью я посмотрела на созвездие, висевшее в чернильном небе, словно люстра, и насмехавшееся над моим печальным смертным существованием.

Мне нужно было попытаться встать. Позвать на помощь. Спасти себя. Но перспектива потерпеть неудачу в попытке подняться парализовывала сильнее, чем физическая боль. Мои ноги замерзли, низ живота горел.

Вдалеке завывали сирены.

Я зажмурилась. Часто в такие моменты я видела папу, его лицо будто навсегда отпечаталось на обратной стороне моих век. Там он и жил сейчас. В моих снах. Его образ был гораздо отчетливее той женщины, что он оставил рядом со мной. В моей истории Пэм всегда уходила на второй план, предпочитая заниматься написанием собственного сюжета.

Звук сирен приближался. Еще громче. Мое сердце упало куда-то в район желудка, свернувшись там клубочком, словно побитый щенок.

Еще несколько минут, и ты станешь частью сплетен. Поучительной историей.

Прежняя Джесси уже бы заплакала. Она бы кричала и рассказала бы все полицейским. Вела бы себя нормально, учитывая абсолютно ненормальные обстоятельства. Прежняя Джесси решила бы отомстить и поступила бы правильно. В духе феминисток. Она бы не позволила обидчикам уйти безнаказанными.

Прежняя Джесси *чувствовала* хотя бы что-нибудь.

Машина «Скорой помощи» с визгом затормозила на обочине, достаточно близко, чтобы запах горелой резины покрышек достиг моих ноздрей. Почему-то осознание того, что парни позвали на помощь, еще больше приводило в ярость, чем мысль о том, что они бросили меня умирать, будто виновники знали, что останутся неприкосновенными, даже после того, что сделали со мной. Ко мне подкатили носилки. Я повторила последние слова, которые услышала перед тем, как они бросили меня в переулке, одинокая слезинка скатилась по щеке.

Вся моя жизнь была залогом этой встречи с тобой.

МЯТЕЖНЫЙ

«И какая же прекрасная вышла встреча, шлюха. Ты хорошо держалась», — произнес Нолан и пнул меня в бок.

Я набила эту фразу, думая, что Эмери предназначен мне судьбой. Теперь тату обжигало заднюю часть шеи. Мне хотелось оторвать ее вместе с кожей и бросить рядом с испорченной одеждой.

Преодолевая боль, я сдвинула левую руку, чтобы прикрыть грудь, а правой потянулась к голому животу, скрывая то, что они вырезали на моей коже, будто я была тыквой на Хеллоуин. Они заставили меня смотреть. Держали мою челюсть своими чистыми, гладкими руками, в то время как моя шея неестественно изгибалась, приспособляясь к неудобному положению. Наказание за мой постыдный грех.

Слово на моей коже сияло, как неоновый билборд, позволяя всему миру увидеть, осудить и высмеять; буквы кровоточили, оставляя пятна на розовой дизайнерской юбке.

Шлюха

Прежняя Джесси принялась бы объяснять, спорить.

Прежняя Джесси попыталась бы сохранить репутацию.

Прежняя Джесси была мертва.

Глава первая

Бэйн

Сейчас

Похоже, что к концу дня мне уже было абсолютно наплевать. На людей и на вечное соревнование в популярности, которым так увлекались богачи, не имеющие обычных проблем с оплатой счетов и потребностью вести себя по-взрослому.

Я — пляжный тусовщик, курильщик, наркоман и наркодилер с условным сроком. Я не был «мистером Популярность», но внушал людям достаточно страха, чтобы они не вставали на моем пути. Стать мошенником никогда не было моим сознательным выбором. Моя мама небогата, а отец даже не появлялся на горизонте. Так что мне пришлось делать то, что пришлось, дабы выжить в самом богатом городе Калифорнии, и иметь чуть больше, чем обычное кабельное телевидение и замороженные продукты на обед.

В пятнадцать лет я втянулся в профессиональный серфинг. Что тоже стоило немалых денег. Серфинг — единственное, что меня заботило, помимо мамы. К остальному я был в большей степени безразличен. Так я и пришел к торговле наркотиками. Это гораздо проще, чем вы

МЯТЕЖНЫЙ

думаете. Покупаешь одноразовые телефоны в магазине «Волмарт». Один для поставщиков, а второй для клиентов. Часто меняешь их. Никогда не продаешь незнакомым людям. Никогда не говоришь обо всем этом дерьме. Остаешься милым и позитивным. Благодаря этому я оплачивал занятия серфингом и учебу в старшей школе, изредка прибегая к карманным кражам, когда мне требовалась новая доска для серфинга. К сожалению, я их часто ломал.

Так и жил до момента, пока не получил условный срок, после чего понял, что вся эта тюремная тема не для меня и пора расширять границы бизнеса. С того времени прошло уже около пяти лет, но я никогда бы не подумал, что буду сидеть здесь, перед самым грозным чуваком Тодос-Сантоса, и вести с ним... ну, *бизнес*. К тому же законный бизнес.

— Насчет твоего прозвища, — Барон Спенсер, более известный как Вишес среди тех, кому не посчастливилось знать его, ухмыльнулся. Он разлил «Макаллан»¹ по двум стаканам, глядя на янтарную жидкость с той степенью обожания, которую обычно приберегают для детей.

Я проделал весь этот путь от Тодос-Сантоса до Лос-Анджелеса, чтобы встретиться со Спенсером в его офисе. Что фактически не имело никакого смысла. Мы жили в десяти минутах ходьбы друг от друга. Но если я что-либо и узнал о богатых засранцах, так это то, что они просто обожали *спектакли*. В лучшем виде. И раз это был не визит вежливости, значит, встреча должна была состояться в рабочей обстановке, где я мог оценить, насколько огромен его офис, насколько сексуальна его секретарша и насколько дорогим был его виски.

¹ Элитная марка шотландского односолодового виски из региона Хайленд.

По правде говоря, мне плевать, даже если бы мы встретились на Марсе, если в итоге я получу то, ради чего сюда приехал. Я скрестил ноги под столом, ударив ботинками друг о друга, и проигнорировал напиток, который Вишес подтолкнул по полированной поверхности стола в мою сторону. Я предпочитал водку. И еще предпочитал не напиваться, перед тем как сесть на свой «Харлей». В отличие от мистера Спенсера у меня не было личного водителя, который мог бы возить меня повсюду, будто я безное ничтожество. Но обо всем по порядку. Он задал вопрос.

— Мое прозвище? — я задумчиво погладил бороду.

Он коротко кивнул, всем своим видом говоря: «*не шути-со-мной*».

— «Бэйн» ужасно похоже на «Вишес», согласен?¹

Нет, не согласен, придурок.

— Это ведь ты придумал игру «Вызов»? — Я откинулся на стуле назад, оторвав его передние ножки от пола, и громко жевал свою жвачку с корицей. Наверное, мне стоит объяснить: «Вызов» был старой традицией старшей Школы Всех Святых, по которой студенты могли вызывать друг друга на рукопашный бой. Эту хрень изобрели Беспутные Хулиганы, четверо подростков, которые управляли школой, будто она принадлежала их родителям. Ирония в том, что отчасти так и есть. Предки Барона Спенсера отстроили половину города, в том числе и здание старшей школы, а мать Джейми Фоллоувилла еще шесть лет назад была ее директором.

Вишес склонил голову, рассматривая меня. Ухмылка этого урода была из тех, что заставляла женщин стонать его имя, даже когда он находился на другом континенте. Сам он был счастлив в браке с Эмилией ЛеБлан-Спенсер

¹ «Vane» в переводе с английского — «погибель», «проклятие», «яд», «изгнание».

МЯТЕЖНЫЙ

и точно недоступен для других. Жаль, что от этой парочки так и веяло атмосферой счастья и любви. Замужние женщины — мой любимый тип. Они никогда не просили ничего больше, чем грязный трах.

— Верно.

— Что ж, ты получил имя Вишес за то, что начал игру. А меня прозвали Бэйном, потому что я ее закончил. — Я достал из кармана сигарету и подумал, что Вишес курит в своем офисе, потому что из его кабинета можно было напрямую попасть в открытый внутренний дворик и на столе находилось больше пепельниц, чем ручек. Не нужно быть Шерлоком, чтобы это понять, все очевидно.

Я рассказал Спенсеру, как меня впервые вызвали на бой на первом году обучения. Как я не знал правил, потому что был слишком занят, пытаюсь придумать, где достать деньги, дабы оплатить учебу, поэтому не вникал во все нюансы традиций Школы Всех Святых. Рассказал, как я разбил поднос с обедом об голову парня, который ударил меня в лицо. Как он получил сотрясение мозга и с тех пор к нему привязалось прозвище — Губка Боб Плоская Голова. Спустя две недели он устроил мне засаду возле школы, в компании шести спортсменов из старших классов, вооруженных битами. В красках описал, как я выбил из них все дерьмо и вдобавок сломал их биты. А затем я поведал Барону, в какие проблемы мы из-за этого вляпались, когда неженки начали ныть, что я слишком сильно их бил и не следовал правилам. Прозвище Бэйн прилипло ко мне, потому что директор, миссис Фоллоувилл, случайно включила локтем громкоговоритель, когда обсуждала со школьным консультантом мое поведение и заявила, что я «отравлял ее существование».

Директор Фоллоувилл использовала возможность уничтожить традицию, которую ее сын Джейми помог создать.

Не улучшало ситуацию и то, что за месяц до инцидента в кафетерии в одной из частных школ Вашингтона устроили резню, так называемую «Колумбайн 2.0»¹. Тогда все боялись богатых детишек. Но после инцидента, должен признать, что гораздо больше все боялись *меня*.

Может, я и нравился людям, но у них были веские причины держаться от меня подальше.

Они дали мне прозвище, и я стал им, жил и дышал им.

Я — выродок-иммигрант из России, проживающий в одном из самых богатых городов США. У меня все равно никогда не было шанса вписаться в местное общество. Так что же плохого в том, чтобы выделиться?

Вишес сидел расслабленно в своем кожаном кресле, его улыбка даже не дрогнула. Его не волновало, что я уничтожил «Вызов». Сомневаюсь, что этого мужчину вообще хотя бы что-то заботило. Барон богаче бога, женат на одной из самых красивых женщин нашего штата, к тому же он еще и любящий отец. Преодолев все препятствия на своем пути, он выиграл битву, войну. Он чувствовал себя расслабленно, ему больше не нужно было ничего доказывать.

Он был сыт, а я голоден. А голод опасен.

— Хорошо, Бэйн. Так зачем ты здесь?

— Мне нужны твои инвестиции, — сказал я, затащив сигаретой и протянул ее Вишесу. Едва заметно он отрицательно качнул головой, но его ухмылка стала на дюйм шире, превратившись в покровительственную улыбку.

— Полегче, парень. Мы с тобой не друзья. Едва знакомые.

Длинными белыми струйками я выпустил дым через нос.

¹ Отсылка к массовому убийству в старшей школе «Колумбайн» (округ Джефферсон, штат Колорадо) в апреле 1999 года.

МЯТЕЖНЫЙ

— Ты, наверное, слышал, что на окраине пляжа Тобаго сносят здание старого отеля. Территория будет отдана под коммерческое использование, основная идея — открыть там торговый центр. В конце года состоится аукцион. Все неместные компании, планирующие принять участие в торгах, не знают, с чем имеют дело. Им незнакомы ни социальная структура Тодос-Сантоса, ни местные подрядчики. Зато они знакомы мне. Я предлагаю тебе двадцать пять процентов акций в обмен на шестимиллионные инвестиции в строительство серф-парка, который будет включать в себя школу и магазины для серферов, фуд-корт-площадки и нескольких торговых точек с туристической ерундой. Расходы на приобретение земли и ее подготовку возьму на себя, так что считай это моим первым и последним предложением.

Я понимал, что, заключив эту сделку, потеряю много денег, но мне было необходимо включить имя Вишеса в свое предложение. Присутствие в заявке фамилии Спенсер сделает ее более привлекательной в глазах округа. Как вы, наверное, уже поняли, моя собственная репутация была далека от идеала.

— У меня уже есть торговый центр в Тодос-Сантосе. — Вишес опустошил свой стакан и ударил им по столу, всматриваясь в пейзажи Лос-Анджелеса через открытые окна внутреннего дворика. — Если быть точнее, единственный торговый центр в Тодос-Сантосе. Так зачем же мне помогать строить еще один?

— У тебя элитный торговый центр. Бутики с «Прада», «Армани», «Шанель» и им подобные. Тот вид дерьма, который не могут себе позволить подростки и туристы. Я же построю парк для серферов. Это все равно что сравнивать небо и землю.

— Но магазины там тоже будут.

— Да, с товаром для серфинга. Пляжные магазины. Мы не станем конкурентами.

Вишес наполнил себе еще один стакан, его взгляд сосредоточился на жидкости.

— Каждый живой человек — мой конкурент. И твой тоже. Никогда не забывай об этом.

Я выпустил дым изо рта, позволив ему устремиться вверх, и попробовал другую тактику:

— Ладно. Допустим, серф-парк влезет в твой бизнес. Но если не можешь одолеть, лучше присоединись, верно?

— Кто сказал, что я тебя не одолею? — Вишес скрестил ноги, закинув их на стол. Я уставился на его чистые подошвы. Он понятия не имел, с кем связался. Конечно, он знал *обо мне*. На данном этапе было сложно не знать. В свои двадцать пять лет я владел самой успешной кофейней Тодос-Сантоса — «Кафе Дьем». Недавно я приобрел гостиницу на окраине города. И сейчас превращал ее в бутик-отель. Вдобавок к этому с каждого магазина и ларька на набережной я собирал деньги за «крышу» и делил их пополам со своим другом, Хейлом Рурком. Звучит так, будто я купался в роскоши, но на самом деле тратил я гораздо больше, чем зарабатывал, и во всех отношениях оставался все тем же нищим выродком. Только теперь с моим именем связано больше проблем, которые требовали внимания.

Я приходил к власти медленно, постепенно и неудержимо. Мама росла в обеспеченной семье, но щедрости ее предков хватило лишь на то, чтобы отправить нас в США, когда я был совсем маленьким, и бросить на произвол судьбы. Каждый мой заработанный цент был так или иначе связан с продажей наркотиков, вымогательством и сексом с женщинами за деньги. Иногда с мужчинами, если становилось совсем туго с финансами. Все попытки добиться успеха в этой игре сводились к череде незаконных делишек и сексуальных услуг. Моя репутация не могла остаться безупречно чистой, что в целом меня устраивало. Я не собирался баллотироваться в мэры.

МЯТЕЖНЫЙ

— Должен признать, мистер Проценко, я склоняюсь к ответу «нет».

— Могу я узнать почему?

— Твоя репутация тебя опережает.

— Просвети же, о чем именно она говорит.

Он спустил ноги со стола и наклонился вперед, задумчиво склонив голову набок.

— Ты мошенник, не заслуживающий доверия, и чертов вор.

И не поспоришь. Я готов был подписаться под каждым пунктом.

— Исходя из этого, ты вполне можешь использовать парк для отмывания денег, — он раздраженно сжал челюсть. Я не собирался так поступать, но мужик определенно соображал.

— Не-а, слишком рискованно. Отмывание денег — это искусство. — Я выпустил еще один клубок дыма.

— А еще это федеральное преступление.

— Можно задать вопрос? — Я стряхнул пепел в предложенный им стакан виски, выражая свое отношение к его напитку за шестьдесят тысяч долларов. Вишес насмешливо вскинул бровь, ожидая продолжение. — Зачем ты пригласил меня, если заранее знал, что откажешь? Я один из главных претендентов на покупку земли. Это общеизвестный факт. Ты понимал, что я приду не для того, чтобы восхищаться твоими прекрасными глазами.

Вишес постучал указательным пальцем по подбородку и слегка выпятил нижнюю губу.

— А что не так с моими глазами?

— Для начала, они принадлежат тому, у кого нет вагины и сисек.

— Если верить слухам, ты не ограничиваешь себя одним полом. В любом случае я хотел посмотреть твоими глазами.

— Посмотреть на что? — Я проигнорировал его на-смешку. Гомофобия не заслуживает внимания. К тому же он просто пытался вывести меня из себя. В моей жизни это было не первое и далеко не последнее родео с напыщенным придурком. И я всегда выходил победителем.

— На то, как выглядит мой последователь.

— Твой последователь? Я очень польщен, смущен, а еще оглушен от звона внутреннего радара, реагирующего на откровенный бред, — я ухмыльнулся, почесав лицо средним пальцем.

Мы были полными противоположностями. Отродье среднего класса из неполноценной семьи сидел напротив наследника целого состояния. На голове у меня был собран пучок белокурых волос, на теле достаточно татуировок, чтобы покрыть большую часть Северной Америки, а сегодняшний гардероб состоял из обычной рубашки, черных штанов и грязных ботинок. Барон же был завернут с головы до ног в Brioni, с черными гладкими волосами и фарфоровой белой кожей. Он выглядел как сочный стейк из ресторана со звездой Мишлен, а я символизировал собой жирный чизбургер из придорожной забегаловки. Но меня это ничуть не волновало. Я любил чизбургеры. Большинство людей предпочли бы двойной чизбургер из «МакГризи» маленькому кусочку стейка.

Вишес вытянулся в своем кресле.

— Ты же понимаешь, что, находясь в здравом уме, я не могу помочь тебе со строительством торгового центра в Тодос-Сантосе, пусть даже со специализацией на серфинге? Ты отгрызешь кусок моего бизнеса. — Он проигнорировал мой вопрос, и мне это не понравилось. Я кинул окурочку сигареты в стакан с виски и встал.

Вишес посмотрел на меня. Спокойно, открыто и абсолютно безразлично.

— Но это не значит, что я не болею за тебя, Бэйн. Просто не собираюсь предоставлять тебе оружие для бит-

МЯТЕЖНЫЙ

вы, в которую ты намерен вступить. Потому что в этом сражении у меня тоже будет армия. Кто бы ни открыл торговый центр, он откусит часть моей прибыли, а когда кто-то вгрызается в мой бизнес, я пожираю то, что принадлежит ему.

Я почесал бороду, обдумывая его слова. Естественно, Вишесу и ему подобным плевать на меня. Он давно достиг вершины. Я же только в процессе восхождения. Раздавить меня — естественный инстинкт выживания.

Спенсер посмотрел вниз, написав что-то в золотом блокноте с логотипом его компании, «Чемпион-Бизнес Холдингс».

— Но есть тот, кто мог бы тебе помочь. Уже много лет он пытается укрепить свое положение в Тодос-Сантосе. Ему необходима репутация, и он в отчаянии. Может, у него и нет авторитета на улицах, зато есть чистое имя и деньги. — Он пододвинул листок по черно-золотой поверхности стола, и я дотянулся до него татуированными мозолистыми пальцами.

Номер телефона сопровождала надпись: «*Даррен Моргансен*».

— Нефтяные деньги. — Вишес поправил галстук, надетый поверх классической рубашки. — Что важнее — он точно выслушает тебя, в отличие от подавляющего большинства бизнесменов этого города.

Он был прав, и это раздражало.

— Зачем ты помогаешь мне? — спросил я. Мне нравился Барон Спенсер. Когда я решил участвовать в торгах, в первую очередь подумал именно о нем в качестве бизнес-партнера. Я знал много других богатых и влиятельных людей в этом городе, но никто не был так же безжалостен, как он.

— Я лишь даю тебе фору. Так ситуация станет интереснее, к тому же мне нравится элемент неожиданности, — сказал он, прокручивая обручальное кольцо на

пальце. — Открой этот серф-парк, Бэйн. Рискни. Было бы круто наконец-то встретить достойного соперника.

Прежде чем покинуть здание компании, я решил, что обязан сходить в их туалет и засунуть несколько модных фирменных ручек с логотипом «ЧБХ» в свой карман, просто по приколу. О, и, возможно, трахнуть его секретаршу, Сью. Она прислала мне по электронной почте контакты всех поставщиков, работающих с торговым центром ее босса. Они пригодятся, когда я открою серф-парк. Тот самый, который поможет мне выбраться из дерьма и оплатить долги матери.

Барон Спенсер думал, что объявляет мне войну.

Ему еще только предстояло узнать, что я и есть война.

С Дарреном Моргансеном я встретился в тот же вечер.

Первый признак того, что он не отличался терпением? Он пригласил меня в свой дом. Как я уже говорил, бизнес-магнаты редко назначают встречи на территории своих частных владений. Моргансен полностью проигнорировал этап со *спектаклем*. По телефону он сказал, что взволнован возможностью познакомиться с такой ключевой фигурой, как я, и это почти заставило меня отказаться от встречи. Это мне следовало угодать желаниям его эго, а не наоборот. Но я готов закрыть глаза на эту странную динамику, если это поможет создать самый большой в мире серф-парк и превратить Тодос-Сантос в следующий Хантингтон-Бич.

Главным образом открытие парка давало мне возможность стать таким же богатым, как и те, кто смотрел на меня словно на мусор, и я был рад ею воспользоваться. Не буду врать — я не ожидал, что смогу продвинуться так далеко в своем плане с покупкой земли. Меня все еще

МЯТЕЖНЫЙ

немного удивляло, что люди действительно прислушивались к моим словам.

Моргансен жил в Эльдорадо, охраняемом районе на холмах Тодос-Сантоса с видом на океан. По соседству с ним обитали самые богатые семьи города: Спенсеры, Коулы, Фоллоувиллы, Уоллеса. Те, кто унаследовал такое количество денег, которое невозможно заработать за всю жизнь.

Дом Моргансена представлял собой особняк в колониальном стиле, расположенный на склоне горы. Ничто так не вдохновляет на прыжок со скалы, как жизнь на ней. На его территории был сад, небольшой пруд и фонтан с настоящими лебедями и ненастоящими ангелами, пускающими водяные стрелы; хаммам и сауна рядом с бассейном в форме почки и куча другого дерьма, которым, готов поспорить на что угодно, никто никогда не пользовался. По обе стороны от входа выстроились огромные растения. Этот идиот, вероятно, ежемесячно платил за обслуживание сада столько, сколько я единожды выложил при покупке своей яхты.

Моргансен встретил меня у ворот, и я сделал вид, что не владею электронным ключом, способным открыть их. Затем он провел меня по особняку, как будто я претендовал на покупку этого места. Мы прогулялись по лужайке перед входом, по заднему двору и по двум кухням на первом этаже. Потом мы поднялись по винтовой лестнице на второй этаж.

— Позволь мне показать тебе швой домашний офиц, — он шепелявил. Я с облегчением выдохнул. Наконец-то мы начали двигаться в нужном направлении.

Мы прошли мимо закрытой комнаты, и он остановился, неуверенно постучав по деревянной двери и прижавшись к ней лбом.

— Милая? — прошептал он. Даррен был долговым и сутулился, как забитый подросток. Вся его внеш-

ность — сплошная посредственность. Карие глаза, похожие на глаза лемура, нос с горбинкой, тонкие поджатые губы, темные волосы с проседью и безвкусный костюм, придающий ему вид несчастного мальчика, достигшего возраста бар-мицвы¹. Он производил впечатление второстепенного персонажа в чьей-то истории. Мне даже было его почти жаль. Такую врожденную непримечательность не могли исправить никакие деньги.

По ту сторону двери ответа не последовало.

— Дорогая, я буду в швоем кабинете. Дай жнуть, ешли тебе что-нибудь потребуетша. Или... или скажи Ханне.

Срочные новости: у богатого парня есть избалованная дочь.

— Ладно. Идем. — Он остановился, прислушавшись к тишине за дверью. — Прямо по коридору...

Моргансен — необычный экземпляр в клубе миллиардеров. Его покорный и сокрушенный вид побуждал моего внутреннего кровожадного бульдога разорвать его, как пищащую игрушку. Мы вошли в кабинет, за нами со скрипом закрылась дверь. Даррен откинул назад волосы, вытер ладони о штаны и нервно засмеялся, когда спросил, что я хочу выпить. Я выбрал водку. Он нажал кнопку на дубовой столешнице и опустил в кашемировое кресло.

— Ханна, принеси водку.

Я всерьез начинал гадать, зачем Барон Спенсер дал мне номер этого клоуна. Возможно, это какой-то розыгрыш. Может, этот чувак и богат — поправочка, он буквально купался в деньгах и в доказательство имел дом размером с гавань, — но при этом он выглядел как чертова катастрофа. Сомневаюсь, что такой трус, как он, согласится выложить шесть миллионов в обмен на двадцать

¹ Так называют еврейских мальчиков, достигших 13 лет, возраста религиозного совершеннолетия.

МЯТЕЖНЫЙ

пять процентов акций абсолютно незнакомому человеку с сомнительной репутацией. Я устроился поудобнее в кресле, стараясь об этом не думать. Даррен следил за моими движениями. Я знал, на что он смотрит, и понимал, как я выгляжу.

Люди часто спрашивали меня: «Почему?» Почему я упорно стремился выглядеть так, будто собирался на прослушивание для сериала «Сыны анархии»¹, с татуировками, покрывающими бóльшую часть моего тела? Почему носил пучок на голове? Зачем мне борода? Какого черта выглядел как пляжный бездельник, в штанах, все еще заляпанных воском для серфинга? Честно говоря, я не видел смысла стараться выглядеть как они. Я не был ими. Я был собой. Я — изгой, без родословной, причудливой фамилии или исторического наследия.

Внешний вид как у ночного кошмара любого папашки — мой способ сказать, что я не участвую в их крысиных бегах.

— Ты довольно ижвештен в Тодош-Шантоше. — Моргансен теребил края своего толстого ежедневника. Не уверен, имел ли он в виду мою профессиональную репутацию или же личную. По городу ходили слухи, что я приобрел «Кафе Дьем» и старый отель, чтобы как-то прикрыть свою прибыль от «крышевания»², отчасти это было правдой. Когда-то я трахал каждую цыпочку, что попадалась мне на глаза, иногда соглашался на минет от парней, когда был пьян или жаждал приключений, затем перешел к оплачиваемым отношениям с теми, кто мог хотя бы на дюйм приблизить меня к полному господству над развлекательной индустрией в Тодос-Сантосе. Я раз-

¹ Американский телевизионный сериал в жанре криминальной драмы.

² Обеспечение незаконного прикрытия для спокойного существования и защиты от возможной опасности (*жарг.*).

влекал сорокалетних жен бизнесменов, стоявших на моем пути, просто чтобы позлить их, и играл роль спутника даже для более старых женщин, если знал, что они могли вложить деньги в меня и мой бренд. Я был мальчиком по вызову, поэтому люди не считали меня надежным или достойным доверия.

— Приму за комплимент, — сказал я, когда домохозяйка Даррена открыла дверь и вошла с подносом, двумя стаканами и бутылкой водки «Вотерфорд». Не проронив ни слова и склонив голову, она наполнила мне стакан, а затем налила виски Даррену, взяв его из бара позади мужчины.

— П-прошу, — заикнулся Даррен. — Я давно хотел пообщаться с тобой. Моя семья переехала в этот город четыре года назад.

Будто я этого не знал. Тодос-Сантос славился своими сливками общества: угрюмый городок ставил происхождение выше морали и репутации. Когда в городе появлялся кто-то новый, все об этом знали. Когда кто-то покидал его, люди тут же начинали сплетничать, гадая, какие скелеты в шкафу он увез с собой. Каким-то образом Моргансенам до сих пор удавалось не попадать под этот общественный радар. Что не было хорошим признаком. Значит, им не удалось наладить прочные связи в городе, несмотря на нефтяной бизнес, что казалось подозрительным.

— И как вам здесь? — я щелкнул пузырем из жвачки, оглядываясь от скуки.

— Ну... интересно. И очень иерархично.

Я схватил свой напиток, опрокинул его одним глотком и вернул стакан обратно на поднос на глазах у потрясенного Моргансена.

— Отлично. Может, перейдем к делу?

Даррен снова поморщился.

Он жестом предложил мне начать. И я приступил.

МЯТЕЖНЫЙ

Я рассказал ему о перспективах. О куске пляжа, на котором будет располагаться фантастический парк «Серф-Сити». Затем рассказал про свой план и показал чертежи, которые сделал для меня один из лучших архитекторов Лос-Анджелеса. Я представил Даррену свое видение этого места и добавил немного статистики по постоянно растущему количеству подростков в Тодос-Сантосе — богачи любили рожать детей, а дети в Южной Калифорнии, как правило, увлекались либо скейт-бордингом, либо серфингом. К тому же мы находились недалеко от Хантингтон-Бич, Сан-Клементе и Сан-Диего и могли переманить оттуда заядлых серферов. Не говоря уже о количестве профессиональных соревнований, которые можно будет проводить в Тодос-Сантосе. Я объяснил, что мне необходимо добавить в бумаги чье-то чистое, доброе имя, чтобы к моему предложению отнеслись всерьез, и что ему не нужно будет ничего делать, а просто наблюдать за тем, как будет расти его прибыль. Я воздержался и не стал упоминать, что если мы превзойдем Барона Спенсера с его элитным торговым центром, это поднимет нас до уровня богов. Это правда, вот только Моргансен производил впечатление того, кто тут же обделается от одной только перспективы разозлить кого-то. И особенно Барона «Вишеса» Спенсера.

Я разнюхал немного, прежде чем позвонить Даррену. Его дедушка приобрел нефтяные месторождения в Кувейте задолго до того, как это сделали остальные крутые ребята. Моргансен же едва справлялся с семейным бизнесом. Он, черт возьми, совсем не соображал, что делает. У него была жена, падчерица и хренова уйма усатых мужиков, указывающих ему, что делать.

— О какой шумме речь? — спросил он.

— Шесть миллионов, — ответил я, даже не моргнув.

Он потер шею. На секунду мне показалось, что он вышвырнет меня ко всем чертям и вдогонку бросит что-

нибудь острое. Но он этого не сделал. Даррен огляделся. Почесал лицо. Опрокинул свой охренительно дорогой виски с видом чемпиона и поморщился, потом — и только потом — встретился со мной взглядом, в его глазах сияло поражение.

— Хорошо.

— Хорошо? — тупо повторил я. И это все? *Хорошо?* Не знаю, под чем этот парень, но я бы хотел торговать такой дурью.

— Хорошо, я готов вложить деньги. Могу дать три миллиона вперед.

— Мне не нужен аванс. Пока нет никаких гарантий, что я заполучу землю, — выплюнул я. Инстинкты говорили мне, что здесь какой-то подвох, но Даррен выглядел безобидно, словно долбанный телепузик. Чувак не мог играть в твистер, оставив за бортом кого-то вроде меня.

— Ты ее получишь, как только они увидят мое имя в документах. В любом случае считай это жештом доброй воли. Мне не нужны твои акции.

— Ты сейчас под чем-то? Просто мы не можем вести бизнес, если ты наркоман. Не имею ничего против легкой дури, но если ты принимаешь что-то тяжелое, мне стоит об этом знать. — Я почесал щеку краем своей сигареты, весело приподняв бровь.

Он попытался изобразить усмешку, но я видел больше эмоций на мордах долбанных козлов.

— Мне не нужны твои акции. Дело не в деньгах. У меня их доштаточно. От тебя мне нужно кое-что другое. Как я уже говорил ранее, я слышал о тебе, Бэйн. Я жнаю, кто ты и что ты делаешь. Я не хочу, чтобы ты делал меня богаче. Мне нужно, чтобы ты помог моей дочери.

Кто ты.

Что ты делаешь.

Черт побери, папаша Даррен хотел, чтобы я трахнул его дочурку.

МЯТЕЖНЫЙ

Первый вопрос, который напрашивался в моей голове: насколько же уродлива его дочь? Как Квазимодо? С тем количеством денег и ресурсов, что есть у этой цыпочки, готов предположить, ее внешность дотягивает хотя бы до уровня милой. Не чертовски горячей, но определенно согдится, чтобы кто-нибудь затащил ее в постель. *Кто угодно*. К счастью, мне двадцать пять и в этом возрасте ты находишь пригодным для секса практически все, даже точилку для карандашей. Если он хочет, чтобы я уложил его дочку за шесть миллионов долларов, я заставлю адвоката подготовить все гребаные документы сегодня же, и к утру она будет так основательно оттрахана, что в ней появится несколько новых дырок, а разум останется затуманен после оргазма еще несколько дней. Для верности я даже добавлю оральные ласки и объятия после секса, потому что было бы неправильно оставить ее без дополнительного бонуса за такие деньги.

— Отлично, — отмахнулся я от него. — Обычно я заключаю контракт на шесть месяцев, без условия исключительности. Дважды в неделю. Наличие презерватива не обсуждается, и я хочу, чтобы она проверилась, прежде чем я к ней прикоснусь.

Мне уже говорили, что я привлекательный сукин сын, и я никогда не знал наверняка, когда потребуется вонзить в кого-то свой член в качестве одолжения или ради своих целей. Как бы то ни было, я перестал брать новых клиентов. Как только мои счета были оплачены, а мама начала получать должный уход, деньги перестали меня мотивировать. Но еще никто не оценивал мой член в такую огромную сумму. Папочка Моргансен абсолютно точно знал, как побаловать свою дочь.

Даррен покачал головой, паника исказила его лицо.

— Подожди, что? О боже. Нет. Нет. Нет, нет, нет, — он отчаянно замахал руками, закашляв. Я выпрямился в своем кресле, не понимая, как этот парень еще не умер

от сердечного приступа. — Я не это имел в виду. Я не хочу, чтобы ты ш ней шпал. На шамом деле я бы хотел добавить пункт, по которому ты обещаешь ее не трогать. Я хочу тебя нанять и чтобы ты делал то, жа что тебе платят, ни больше ни меньше. У Джешши почти нет друзей. Она через многое прошла, и ей прошто нужен кто-то. Товарищ. Мне нужно, чтобы ты помог ей вернуть уверенность в себе и жавешти парочку друзей. Найми ее для работы в швоем кафе, чтобы у нее появилша повод выходить иж дома каждый день. Отношения будут ишключительно платоническими. Джешши неприкашаема. Она *не пожволяет* людям дотрагиватьша до шебя.

Джесси. Ну конечно, у его падчерицы имя, которое он даже не может правильно произнести. Бедняга.

Что не так с этой Джесси? Она даже не потрудилась ответить отчиму, хотя явно находилась в комнате. К сожалению, пока она казалась избалованной принцессой, но я все равно собирался согласиться на эту работу, даже если придется слушать ее разговоры о шопинге с мамочкой, пока у меня не завянут уши. Несколько сотен тысяч долларов того стоили. На кону стояло такое количество денег и выгодное вложение, что Джесси определенно привлекла мое внимание. И в какой-то степени мою симпатию тоже.

— Что еще я должен буду делать? — спросил я, поглаживая бороду.

— Ее терапевт говорит, что ей нужна работа. Любая работа. Найми ее. Шмеши ее. Ухаживай жа ней. Только не прикашайша. — Его дрожащие пальцы снова танцевали на краях ежедневника. — Вдохни в нее жижнь.

— Она... — я не знал, как сформулировать вопрос так, чтобы не выглядеть неполиткорректным придурком. *Отсталая? Имеет какие-то отклонения?* Не то чтобы это было важно, но мне необходимо знать, с чем я имею дело. Даррен заерзал в своем кресле.

МЯТЕЖНЫЙ

— Она очень светлый ребенок. Проще ее нужно немного подтолкнуть навстречу обществу.

— Почему?

— Почему? — повторил он, быстро моргая, будто этот вопрос никогда раньше не приходил ему в голову. Даррен подергивал челюстью и сжал пальцами переносицу. Он был на грани слез. Чувак выглядел собранным не больше, чем обкуранный подросток на Коачелле¹. Очевидно, что ему требовалась пересадка позвоночника, и за хорошие деньги я бы даже предложил себя в качестве донора. Если ему действительно нужна помощь с дочерью, я собирался ее предоставить. И даже не буду чувствовать себя козлом, ведь мне всего лишь нужно сводить ее в кино или еще куда-нибудь. От меня не требовалось засовывать в нее свой член и шептать на ухо признания в любви.

— Я рашшкажу тебе почему, но сначала ты подпишешь шоглашение о неражглашении.

У богачей обычно самые безумные истории. Наверняка она увлекалась зоофилией или каким-нибудь подобным дерьмом. Деньги заставляют скучать, а скука превращает тебя в придурка.

— За свою жизнь я подписал столько подобных соглашений, что теперь не обсуждаю ни с кем ничего, кроме погоды. — Я откинулся на спинку стула, почувствовав внезапное предвкушение от сделки с этим парнем.

Он пронзил меня взглядом, полным надежды. Он любит ее. Меня всегда смущала любовь. Такое неприятное чувство. Люди совершают много глупостей во имя любви.

— Ладно. Ладно. Так... мы договорились? — спросил он, жадно глотая воздух. Я огляделся, впервые обращая внимание на обстановку кабинета. Традиционная. Стел-

¹ Трехдневный фестиваль музыки и искусств, проводимый компанией Goldenvoice в долине Коачелла, Индио, штат Калифорния.

лажи от пола до потолка, изготовленные из темного дуба и заставленные толстыми, нетронутыми книгами. Персидский ковер и кресла цвета верблюжьей шерсти. Бар выглядел единственным регулярно используемым местом, с тусклыми, полупустыми бутылками, испещренными отпечатками пальцев. Все остальное было для показа. Этот мужчина заблудился, и мне посчастливилось его найти.

Все равно что забрать конфетку у ребенка.

— Согласен на шесть месяцев, и я хочу знать ее историю.

Моргансен наполнил себе еще один бокал виски, устал в него, словно в бездну, опустошил его разом, как перед смертью, и позволил стакану свободно скользить между пальцами, прежде чем уронил его на ковер.

— Хочешь жнать ее ишторию?

Я дернул плечом. Я никогда не повторял свои слова и не собирался начинать из-за этого придурка.

Когда первые слова слетели с его губ, мои пальцы сжали подлокотники кресла.

Когда первые предложения вонзились в мой мозг, у меня пересохло в глотке.

И после полуторачасового рассказа на языке вертелся только один ответ. Вообще-то даже одно слово. Оно довольно четко отражало все мои чувства.

Черт.

Глава вторая

Бэйн

— Сегодня прекрасный день для «хэнг-элевен»¹. — Бек дико засмеялся, его длинные влажные каштановые волосы развеялись на ветру, пока он, лежа животом на доске, покорял огромную волну. Это был халтурный заезд, и я ненавидел, когда так делали. Все равно что попросить шикарную модель просто подрочить тебе по пьяни. Откровенно говоря, любой день, когда пляж оставался полупустым, отлично подходил для серфинга голышом. И именно поэтому каждое морское существо в Южной Калифорнии знало наизусть форму моего члена. Я усмехнулся и наблюдал, как друг поднялся, стянул с себя шорты и обмотал их вокруг запястья, как браслет. Мой школьный друг Хейл плыл в нескольких футах от меня, прорываясь через зону прибоя, а моя бывшая девушка со школьных времен, Эди, сидела на своей доске рядом со мной, глядя спокойно в сторону пляжа.

Я проследил за взглядом девушки и заметил ее мужа Трента и их дочь Луну, строящих песчаные замки. Эди

¹ Во время выполнения трюка «хэнг-элевен» (англ. «Hang 11») серфер едет на доске голым.

моя любимая и единственная бывшая. А еще она входит в список моих лучших друзей. Знаю, звучит сложно, но на самом деле все не так. Мне нравились люди такими, какие они есть, вне зависимости от того, мог ли я их трахать. Эди — или Гиджет, как я называл ее со времен старшей школы, — была для меня недоступна, но все еще оставалась прежней Эди. Она сосредоточенно морщила лоб. Я оседлал свою «Файрвайр Эво»¹ и щелкнул ее по уху.

— Ты снова это делаешь.

— Что?

— Слишком зацикливаешься на своих мыслях.

Гиджет сморщила нос.

— У меня просто немного кружится голова. — Она забросила свои светлые волосы назад и, прищурившись, продолжила смотреть в сторону берега.

— Ты бледная. — Я преуменьшил, но сказать правду было бы не по-джентльменски. — Отправляйся домой. Волны никуда не денутся.

Она повернулась назад:

— Эй, Бек! Моя дочь на пляже. Верни свои трусы на место, грязное животное.

Мне нравилось, что она называла свою падчерицу дочерью. Эта семья была самой настоящей из всех, что я видел, хотя они и знали друг друга всего несколько лет.

— Что насчет тебя? Ты в порядке? — Эди провела по воде кончиками пальцев.

— Никогда не чувствовал себя лучше.

— Надеюсь, ты все еще не забываешь про презервативы? — она выгнула влажную бровь. Эди часто задавала мне этот вопрос, с тех пор как я решил зарабатывать с помощью своего тела.

Поборов желание закатить глаза, я толкнул ее доску ногой.

¹ Марка доски для серфинга.

МЯТЕЖНЫЙ

— Ты разбиваешь волны, Гиджет. Или начинай серфить, или убирайся отсюда на хрен.

Я проследил, как Эди поплыла в сторону берега, прежде чем повернулся, чтобы разобраться с Беком и Хейлом, и обнаружил, что они уже сидят на своих досках в паре метров от меня.

— Шоу окончено, — я плюнул в воду.

Бек запрыгнул на свою доску — у ублюдка имелись все задатки инструктора по йоге — и исполнил раздражающий танец с выпадами паха вперед, к которому прибегают все озабоченные придурки, домогающиеся каждое живое существо в поле своего зрения. Со своими длинными каштановыми волосами он выглядел как молодой Мэтт Дэймон. Бек начал петь «The show must go on» группы Queen, с силой сжав кулак.

Я взял Бека под свое крыло в надежде сделать из него профессионального серфера, ради которого все будут спешить насладиться соревнованиями. Он был хорош, как Келли Слейтер¹, но еще и ленив, как Гомер Симпсон², так что мне приходилось активно готовить его к соревнованиям в конце сентября. Я единственный, кого он боялся, поэтому если кому и удавалось оторвать его задницу от кровати каждый день в пять утра, то только мне.

Хейл покачал головой.

— Постригись, кретин. Твой пах выглядит как Фил Спектор³, — указал он на пенис Бека. Тот засмеялся, его хозяйство раскачивалось, как волосы в рекламе шампуня.

Хейл снова повернулся ко мне, и теперь мы втроем сидели как придурки, разрушая волны. Прекрасно.

— В этом месяце обход за мной, верно?

¹ Профессиональный американский серфер, одиннадцатикратный чемпион мира по серфингу.

² Один из главных героев мультсериала «Симпсоны».

³ Американский музыкальный продюсер. Славился своей густой объемной прической.

Обход подразумевал сбор денег за протекцию с магазинчиков на набережной.

— Верно.

— Могу я еще что-нибудь сделать? — он прижался прессом к доске.

У Хейла были рыжие волосы, зеленые глаза и душа, склонная к саморазрушению, как у Холдена Колфилда¹, которого закинули в искусственный городок Тодос-Сантос. Еще у него имелось то, чего я был лишен, — идеальные родители. Он был близок к получению степени магистра философии и должен был пойти по стопам предков, став профессором. Они хотели, чтобы сын превратил пластиковые души жителей Южной Калифорнии в мыслящих людей. Но Хейл не хотел становиться профессором или учителем. Он хотел быть дикарем, похожим на меня.

— Будь хорошим мальчиком и не забудь выполнить домашнюю работу, — с издевкой произнес я.

Он обрызгал меня, как пятилетка.

— Мне нужно больше ответственности. Я хочу стать частью «Серф-Сити».

Мы с Хейлом делили пополам прибыль от «крышевания» магазинчиков, и меня это устраивало, потому что почти всю работу выполнял он. Но ему всегда хотелось большего. «Серф-Сити» — моя идея, мое детище, моя мечта. И я не собирался его ни с кем делить.

— Я серьезно, — застонал он.

— Я тоже. — Подняв глаза, я заметил, как голый Бек гребет к берегу, унося от нас свой волосатый пах. — Мне не нужна помощь.

— Но у меня есть деньги. Я могу вложить их в парк.

— Ты можешь взять свои деньги и свалить на хрен с моего пути, позволив мне посерфить.

¹ Главный персонаж романа «Над пропастью во ржи» Джерома Д. Сэлинджера, символ юношеского бунта.

МЯТЕЖНЫЙ

— Почему нет? Очевидно же, что тебе нужны инвестиции. Или ты уже кого-то нашел?

Я не собирался рассказывать ему про Даррена и Джесси, потому что не был уверен, во что выльется вся эта затея, да и в любом случае я бы не исключал вероятность того, что Хейл облажается, просто ради веселья. Он сделан из того же теста, что и печально известные Беспутные Хулиганы. Иногда он мог вытворить что-нибудь просто потому, что ему нравилось тешить свое эго.

— Это не твое дело.

— Тебя реально сложно понять, Проценко.

— Или, — я склонил подбородок, улыбаясь, — может, тебе просто не дано понимать людей, Хейл.

Его ноздри смешно раздувались. Он поспешил убраться на своей доске, его собственная версия хлопка дверью перед моим лицом. Я засмеялся. Несколько минут спустя ко мне подплыл Бек, тяжело дыша.

— Да что с вами со всеми? Гиджет ведет себя как телочка, а Хейл как киска. И ты будто бы их абьюзивный папаша.

Ухмыльнувшись, я наблюдал за отдаляющейся фигурой Хейла, не переставая думать о «Серф-Сити».

— Ну что, завтра в это же время? — Бек сделал вид, что хочет ударить меня в плечо, но на самом деле у него на это никогда не хватит смелости.

— Ага. Давай пораньше, у меня есть планы на день.

У моих планов есть имя, описание и конечная цель.

Мой план — девятнадцатилетняя девушка.

Но я еще не знал, что мой план вот-вот обернется сущей катастрофой.

Первым делом я изучил расписание Джесси. Хотя «расписание» — слишком громко сказано, эта чудачка не стремилась покидать пределы дома, или комнаты, или... кровати. Ее имя вызывало во мне чувство дежавю, но

я не придавал этому значение. У нас маленький город. Вероятно, когда-то мы с ней сталкивались. Возможно, в какой-то момент я даже был в ней.

Что вызвало бы крайне неловкую ситуацию.

Даррен сказал, что родной отец Джесси умер, когда ей было двенадцать, и это событие сломило ее еще до того, как те парни притронулись к ней. Еще он отметил, что устроить с ней якобы случайную встречу будет так же тяжело, как научить вальсу свинью.

— Тебе придется шамоту прокладывать путь в ее мир, потому что она редко покидает дом, — сказал он по телефону. — Она едит к терапевту каждый четверг, в центр города, и выходит на пробежку вокруг Эльдорадо каждый полдень и около трех ночи.

Дважды в день? Ладно, это меня не касается.

— Интересный выбор времени, — прокомментировал я, не отрывая взгляда от листка бумаги.

— В это время не так много людей.

Разумеется.

Записав все его комментарии на листок, я попытался понять, куда, черт возьми, мне вклиниться в этом расписании.

— Что еще? — Я щелкнул пузырем из жвачки прямо в трубку телефона.

— Она чашто навещает нашу шошедку, мишшиш Белфорт. Ей жа вошемдесят, и она больна Альцгеймером.

Джесси Картер определенно вела интересную жизнь. И я был тем везунчиком, кто собирался выманить ее обратно во внешний мир.

— Это все? — спросил я.

— Да, — вздохнул он.

— Больше никого? Парень? Лучшая подруга? Шопинг с мамочкой в «Бэлмэйн»¹? — У меня оставалось слиш-

¹ Элитный французский бренд одежды и аксессуаров, основанный модельером Пьером Бальменом в Париже в 1945 году.

МЯТЕЖНЫЙ

ком маленькое пространство для маневра. Я не мог без предупреждения появиться возле дома ее соседки и притвориться, что мы столкнулись случайно. Вернее, мог, но только если бы захотел попасть под арест.

— Нет, — сглотнул Даррен. — У нее никого нет.

Прищурившись, я посмотрел на листок бумаги, который сжимал в руке. На то малое, с чем придется работать. Складывалось ощущение, что девушка не хочет существовать за пределами своего дома. Осталось уточнить у Даррена еще одну вещь. Он уже подписал контракт, и дело сдвинулось с мертвой точки. И он настоял на двух обязательных пунктах, выделенных жирным шрифтом. Первый — Джесси Картер никогда и ни за что в своей жизни не должна узнать об этой сделке. И второе — я никогда и ни за что в своей жизни не вступлю с ней в сексуальные отношения.

«Нарушишь один из них или оба пункта, и сделке конец».

По правде говоря, я не воспринял его угрозу всерьез, он казался мне настолько слабохарактерным, что вряд ли смог бы обидеть даже муху.

— Пришли мне ее свежую фотографию. Мне нужно знать, как она выглядит, чтобы, ну ты понимаешь, не начать подкатывать к случайным незнакомкам.

— Ты не будешь к ней подкатывать, — четко произнес он. — Твоя жадача — помочь ей.

Семантика — любимица западного общества. Неважно, как именно я это сделаю, главное, что Джесси Картер покинет свой гребаный дом. Не имело смысла искать ее в Сети. Если я правильно понял эту девушку — а я уверен, что это так, — то ее не окажется в социальных сетях. Она хотела исчезнуть с лица земли, и ей это почти удалось.

Я собирался вернуть ее в общество.

Она может прийти одна или со своими демонами.

Мне абсолютно наплевать.

На фото, что прислал мне Даррен, было больше зерна, чем в песке на пляже Тобаго, и я толком не мог рассмотреть Джесси. Похоже, что он сделал этот снимок, пока она не видела, что заставило мой внутренний измеритель неадекватности дернуться несколько раз. Она сидела на скамейке, держа в руках экземпляр «Капитанской дочки» Александра Пушкина. Книга закрывала ее лицо. Все, что мне удалось разглядеть, это волосы цвета воронова крыла, белоснежную кожу и длинные ресницы. У меня было странное чувство, будто я уже видел ее, но воспоминание потерялось где-то на задворках памяти. Даже если так, сейчас она — мой бизнес.

Только бизнес.

Работа, которую я не хочу потерять.

Особенно после того, как уже потратил пятьсот тысяч долларов из трех миллионов, которые перевел на мой счет Даррен, на итальянскую мебель для своего бутик-отеля. *Уис.*

Я решил, что удобнее всего будет встретиться с Джесси, когда она поедет на сеанс психотерапии. Я ждал напротив блестящего здания, где находилась клиника. Разместившись в кофейне на территории парка Либерти, я следил за зданием через окно. Она припарковала свой Range Rover перед клиникой и вышла из машины. Ее опущенные плечи напоминали сломанные крылья, в ее мрачном взгляде умирала душа.

Первая мысль, которая промелькнула при виде девушки, — она не уродина. Она прекрасна, и это откровенное преуменьшение века.

Вторая мысль заключалась в том, что я уже ее видел. Мне даже не нужно, чтобы она собирала свои чернильные пряди, дабы увидеть татуировку с цитатой Пушкина.

МЯТЕЖНЫЙ

Такую девушку не забудешь. Мы встретились несколько лет назад, на пляже, но я до сих пор помнил то дикое желание завоевать ее. И свою злость, когда увидел, как ее бледнозадый парень-подросток принялся тискать ее, стоило только девушке опуститься на песок рядом с ним в своем маленьком красном бикини. К счастью, я сдержался и не выкрал ее у него из-под носа.

Теперь же, когда она стала частью сделки, я тем более не мог к ней прикоснуться.

На Джесси были бесформенные джинсы, как попытка скрыть длинные ноги, оранжевая рубашка — длинная, мешковатая и удручающе скромная — и черная расстегнутая толстовка с капюшоном. Она надела бейсболку — с логотипом «Рэйдерс»¹, вот это моя девочка, — а в руке сжимала очки размером во все лицо. Очевидно, она желала оставаться максимально неприметной, насколько это возможно. К несчастью для нее, за шесть миллионов я собирался не только заметить ее существование, но еще и чествовать и возвести храм в ее честь. Образно выражаясь.

Она исчезла внутри здания, опустив голову и полностью избегая зрительного контакта с кем-либо. Следующий час девушка должна провести у психотерапевта. Времени оставалось достаточно, чтобы я успел пройти возле ее машины, скрутить наконечник со стержня клапана на задней шине и наблюдать, как из нее медленно выходит воздух. Потом спустился вниз на два квартала за своим автомобилем — красным пикапом «Форд», которым не пользовался миллиард лет, — и припарковался прямо позади ее машины.

Как и ожидалось, через час Джесси покинула здание и стремительным шагом направилась к автомобилю.

¹ Las-Vegas Raiders — профессиональный клуб по американскому футболу из города Лас-Вегас, штат Невада, выступающий в Национальной футбольной лиге.

Проницательная малышка, она заметила спущенное колесо, прежде чем забралась в машину. Девушка присела на корточки, вздохнула и покачала головой. Я открыл водительскую дверь и спрыгнул на землю, в нескольких метрах от нее. Даррен упоминал, что ей не нравились мужчины, приближающиеся слишком близко. *Не проблема.*

— Все хорошо? — спросил я.

Она вскинула голову и нахмурилась, будто мое обращение к ней нарушило разом семь сотен социальных норм. Она не ответила, опуская свою маленькую ручку к шине в попытке нащупать наконечник клапана. Девушка знала, что делает, чем немало меня удивила. Не то чтобы это имело значение. Чтобы сменить колесо, Джесси нужен кто-то, кто подаст запаску, и я не сексистская свинья, это дерьмо весило целую тонну. А она была крошечной. Простая физика.

И какое счастливое стечение обстоятельств, что я оказался рядом, верно?

— У тебя спущено колесо, — озвучил я чертовски очевидный факт, делая неуверенный шаг в ее сторону. Она чуть из кожи не выпрыгнула, отступая назад. В глазах застыл чистый ужас. Догадываюсь, что борода, татуировки и огромный пикап не особо помогли разрядить обстановку.

— Не нужно! — рявкнула она дрожащим голосом.

— Что не нужно?

— Прикастаться ко мне.

— Даже не планировал, — сказал я.

И это чистейшая правда. Она могла заплатить мне любую сумму до шести миллионов, и я бы все равно не согласился даже на поцелуй в щеку. Я отступил назад и поднял ладони вверх, показывая, что сдаюсь.

— Давай попробуем еще раз. Могу я помочь тебе сменить колесо? У меня в пикапе есть домкрат, — я указал пальцем за плечо. — Ты можешь отойти на любое ком-

МЯТЕЖНЫЙ

фортное расстояние. Я обещаю, что не притронусь к тебе. Черт, да я клянусь, что даже смотреть на тебя не буду. Ненавижу оранжевый, — я указал кивком головы на ее рубашку. Еще одна правда. Цвет напоминал мне об этом ублюдке, Хейле, с его рыжими волосами.

Она долго и упорно смотрела на меня, будто ожидая, что мои настоящие намерения вылезут из моих глазниц во время следующего моргания. Я уставился на нее в ответ, задействовав каждую каплю самоконтроля, чтобы не развернуться и не уйти отсюда. Я понимаю, у нее есть причины, но она чертовски странная. Я не делал ничего сложного, необычного или причудливого. Обыденные, простые вещи. Не поймите меня неправильно — Джесси была прекрасна, но еще она выглядела как великолепная трагедия, призванная испортить твою жизнь.

— Моя страховка это покрывает, — запуталась она в своих же словах. Будто никогда не разговаривала с незнакомцами. Я надул и громко лопнул свою жвачку с корицей.

— А еще они отнимут у тебя целый час времени. Я же смогу уложиться в пятнадцать минут, вдобавок избавлю тебя от бумажной волокиты и головной боли.

— Я не против бумажной волокиты и головной боли. Уезжай.

— Справедливо. Звони в свою страховую компанию, — я скрестил руки на груди.

Она могла бы найти их номер в интернете, но это, вероятно, займет минут двадцать. В эту часть города сигнал мобильной сети почти не доходил. Она располагалась так низко в долине, что практически соседствовала с адом. Прищурившись, девушка попыталась поискать номер, все больше раздражаясь от моего пристального внимания. Но в итоге зашла в тупик.

— Что ты хочешь взамен? — Джесси подняла на меня взгляд, отказавшись от идеи использовать интернет.

Она полная противоположность своего отчима. Даррен был слаб и пассивен, когда волновался. Она же пылала огнем, готовясь выколоть тебе глаза, если решишься подойти ближе.

— Чашечку кофе. Черного. И никакого соевого дерьма, — сказал я, закатывая рукава до локтей и поворачиваясь к ней спиной, чтобы достать из пикапа ящик с инструментами. Когда я обернулся, она все еще стояла на месте и смотрела на меня с недоверием. Я бросил ящик на тротуар и открыл багажник ее машины, ощущая ее взгляд на своем лице, как будто находился под дулом пистолета.

Она не хотела со мной разговаривать.

Но еще больше она не хотела торчать тут и жариться под южнокалифорнийским солнцем в ожидании службы эвакуации.

— Не стесняйся принести мне кофе в любой момент. — Я даже не удостоил ее взглядом, делая вид, что ощупываю шину в поисках источника проблемы.

Кстати, я уже упоминал, что не люблю кофе? Это чистейший яд, а я полупрофессиональный серфер, привыкший к здоровой еде.

Она сдвинулась с места, оглядываясь вокруг, будто я собирался затащить ее в переулок.

— Повтори, какой кофе ты пьешь?

Со стопкой водки. И без кофе.

— Удиви меня.

— Удивить тебя?

— Ага. Это значит сделать что-то шокирующее и неожиданное. Например, знаешь ли, ты могла бы улыбнуться.

— Кто ты такой, чтобы судить меня?

— Я твой новый лучший друг. А теперь иди.

Она покачала головой и направилась в «Старбакс» через дорогу. В четверг вечером центр Тодос-Сантоса

МЯТЕЖНЫЙ

казался мертвым. Еще одно благословение для вашего покорного слуги. Я не хотел, чтобы прохожие узнали кого-нибудь из нас. Джесси была слишком напряжена. А я занят работой и заодно попытками отодвинуть по-дальше мысли о том, что она, подобно сирене, взывала к моим желаниям.

И еще она жертва насилия.

И к тому же часть выгодной бизнес-сделки.

О, а еще она чертов подросток, ты, двадцатипяти-летний извращенец.

Джесси вернулась с дымящимся стаканчиком кофе и протянула его мне так, будто держала мертвое тело.

— Поставь на капот.

Мои грязные руки были заняты размещением домкратов под рамой. Будучи единственным ребенком у матери-одиночки, я научился самостоятельно делать все, кроме открытой операции на сердце. Я мог бы легко поменять все колеса Джесси и приготовить с нуля окрошку, пока она подпиливала свои ногти. Но прямо сейчас мне нужно, чтобы она поняла, что может мне доверять. Девушка все еще смотрела на меня озадаченно, будто сама не понимала, почему позволяла помогать ей.

Затем, в подтверждение моим подозрениям, она выпалила:

— Напомни, почему ты помогаешь мне?

— Я хотел кофе.

— Ты можешь позволить себе кофе.

— Как ты это поняла? У тебя есть лазерное зрение, которым ты просветила мой карман и добралась до бумажника? — проворчал я, поднимая ее запасное колесо. И почему она не могла водить маленький «трахни-меня-в-миссионерской-позе» «Мини Купер», как все остальные богатые цыпочки этого города?

— Я тебя откуда-то знаю?

Надеюсь, что нет, потому что это будет ампула либо пляжного тусовщика, либо неофициальной шлюхи города.

Я оглянулся на нее, вытирая лоб и оставляя на нем следы от масла.

— Так и что? Знаешь?

— Ты Роман Проценко. — Она встревоженно потерла лоб, и вот оно — выражение явного страха и отвращения.

Мое сердце забилося быстрее, хотя и не должно было. Я напомнил себе, что меня это не должно волновать... только вот уже волновало, потому что я потратил часть денег Даррена.

— Что ж, ты знаешь, кто я. И какие выводы из этого можно сделать?

— Никаких выводов. Мне плевать, даже если ты Папа Римский или Джастин Бибер. Я не хожу на свидания.

— Я тоже, так что перестань вести себя так, будто я тебя домогаюсь, — сказал я откровенно.

Она немного расслабилась и коротко кивнула. Что-то мне подсказывало, что это ее версия улыбки, и она не вызвала во мне волну ненависти. Обычно калифорнийские девушки улыбались так, будто на них смотрит весь мир. Но движения Джесси были осторожными, тихими.

— А как твое имя? — спросил я, потому что на самом деле не должен был этого знать.

— Никак. Ты закончил? — кивнула она на колесо.

— Почти, Никак.

Фактически все было готово. Но я не хотел, чтобы она уезжала. Неизвестно, когда мы увидимся в следующий раз. Но я точно знал, что в каком-то долбаном, судьбоносном смысле я *хотел* ей помочь. У меня возник свой интерес в этом деле. Я кое-что знал об изнасиловании. Черт, может, именно поэтому я и был мальчиком по вызову. Как-то неправильно говорить «нет», когда у стольких женщин даже не было выбора.

МЯТЕЖНЫЙ

С другой стороны, не мог же я заставлять Джесси торчать тут часами.

— Все готово, Снежинка. — Я встал, вытирая масло о свои камуфляжные штаны. Все еще находясь на приличном расстоянии от меня, она кивком головы указала на кофе, стоящий на капоте, чтобы не подходить ближе.

— Снежинка?

— Тебя не могут звать Никак, поэтому я выбрал Снежинку.

— Это какой-то политический комментарий? — она прищурила глаза. Я еле сдержался, чтобы не закатить свои.

— Никакого политического подтекста. Ты просто похожа на снежинку.

— Почему?

— Потому что ты охренительно бледная.

Потому что я нашел тебя в грязи, именуемой жизнью, и ты выделялась. Как возможность, которую я не могу упустить.

Джесси впервые встретила со мной взглядом. Ее глаза были пугающе выразительными. Цвета океана. Понимаю, как банально это звучит, но, черт возьми, это чистая правда.

— Я... ну, спасибо, наверное.

— Постой, — сказал я, швыряя ящик с инструментами на землю с глухим стуком. — Теперь я должен тебе кофе.

Она уставилась на меня так, будто я отрастил вторую голову, зеленого цвета и с шапочкой в форме пениса.

— Это так не работает, — она недоверчиво нахмурилась.

— Кто ты такая, чтобы говорить, как это работает? — Я прислонился бедром к ее автомобилю, щурясь от солнца.

— Кто ты такой, чтобы говорить, что и как работает? — Ее глаза расширились, и гнев перевесил настороженность.

— Я владею кофейней. И знаю о кофейном этикете больше тебя, я должен тебе кофе. Давай встретимся завтра.

Она схватила нетронутый стаканчик с капота, подошла к ближайшей мусорке и выкинула его. Затем вернулась к своему внедорожнику и открыла водительскую дверцу.

— Вот. Теперь ты ничего мне не должен.

— Но ты за него заплатила, — сказал я, не совсем уверенный, что только что не облажался, но выбора у меня не оставалось. Она крепкий орешек. Я настолько привык пробивать своим очарованием дорогу в женские трусики, что совсем забыл, как прокладывать путь к сердцам.

Как правило, это было до неприличия легко.

Я разминал свои татуированные руки, поднимая доску для серфинга.

Собирал в пучок распущенные светлые волосы.

Сгибал пальцы и потягивался, зевая и обнажая кубики на прессе.

Обычно этого достаточно. Бум. И они готовы.

Но с ней я был вне игры.

Она скользнула на свое место и потянулась к дверце, чтобы захлопнуть ее у меня перед носом. Мне нужно было что-нибудь придумать, *что угодно*, потому что я все меньше и меньше контролировал ситуацию, и мне это не нравилось. Джесси Картер не реагировала на мои ухаживания. Меня будто окатили холодным дерьмом из ведра прямо в лицо. Я просунул ногу между дверью и рамой машины.

— Постой.

Себе на заметку: никогда не приближаться к Джесси Картер, если поблизости есть дверь.

Она хлопнула дверью мне по ноге. *Черт.*

МЯТЕЖНЫЙ

Я выдернул свою ногу, и в этот же момент она вскрикнула в недоумении. О чем я думал? Все просто — я вообще не думал. Вместо того чтобы прыгать и молиться о том, чтобы она не сломала мне ни одной кости, я сверкнул своей самой дерзкой ухмылкой.

— Я не собиралась захлопывать так сильно. — Она поморщилась и вроде бы говорила искренне. Контраст между ее черными волосами и светлой кожей шокировал. Она напоминала картину. Не такую странную и провокационную, как у Питера Пауля Рубенса¹. Скорее что-то в духе диснеевских принцесс. Нарисованную возбужденным шестнадцатилеткой, который подарил ей пару фантастических сисек.

— Правда? Тогда загладь свою вину. Кофе. Завтра. Считай это собеседованием. Мне нужен бариста, Снежинка, — прошипел я, понимая, что мои слова звучат отчаянно, но мне было насрать.

— Я не ищу работу.

— Уже есть другая?

— Это не твое дело.

— Ты права. Для начала укрепим дружбу. А позже я заманю тебя на работу. Но сначала — кофе.

— Нет.

— Что мне сделать, чтобы ты согласилась?

— Ничего.

— Чушь. Всегда можно что-то придумать.

— Нет. Ничто не заставит меня выпить с тобой кофе,
Бэйн.

— Подумай еще. Ты кажешься мне умной девочкой. Уверен, мы можем найти какое-то решение.

Она вздохнула, глядя на небо, будто там был написан ответ.

¹ Нидерландский живописец, один из основоположников искусства барокко.

— Возможно, если бы ты спас мне жизнь или я бы задолжала тебе в каком-то более глубоком смысле. В ином случае я не хожу на свидания.

— Ты меня не слушаешь. Я хочу, чтобы ты работала на меня. И хочу стать твоим другом.

— Я никогда не стану на тебя работать. И *почему* ты хочешь со мной подружиться?

Потому что твоя папочка заплатит мне за это шесть миллионов.

— Потому что ты кажешься крутой девчонкой. Потому что ты смешная. И сообразительная. И на тебя приятно смотреть, даже в этой ужасной рубашке. Но я тоже не хожу на свидания. И уж точно не собираюсь затаскивать тебя в постель.

Говорил же, я проклятый лжец.

— Ты гей? — Ее глаза загорелись. Я вполне мог бы притвориться геем. В юности я позволял множеству парней мне отсасывать, чтобы понять, нравится ли мне. С другой стороны, нет смысла лгать больше необходимого. Она всем своим видом источала надежду, нервно жуя прядку волос. Будто отсутствие любви к членам было единственным препятствием на пути нашей дружбы.

— Нет. Но моя работа несовместима с отношениями. Это долгая история. — Я снова вытер лоб, зная, что я потный, грязный и безумно привлекательный для любой женщины в этой Вселенной, кроме Джесси Картер.

— Так ты просто хочешь подружиться? — спросила она. Джесси сидела в машине, а я изо всех сил старался не смотреть на свою ногу, чтобы удостовериться, что она не отвалилась, и это чертовски изматывало. В этот момент я не хотел быть ее другом. Я хотел засунуть ногу в ведро со льдом и проклинать ее всю следующую неделю.

— И еще чтобы ты пошла работать в мою кофейню, — добавил я. — Убить двух зайцев одним выстрелом.

МЯТЕЖНЫЙ

Джесси обдумывала эту идею несколько минут, покусывая губы, прежде чем ответила:

— Нет.

Затем она завела свой внедорожник и помчалась по дороге, ведущей к Мэйн-стрит, вероятно в направлении Эльдorado. Я смотрел вслед ее машине точно так же, как несколько лет назад провожал взглядом ее задницу на пляже, со смесью желания, раздражения и восхищения.

Она действительно напоминала мне снег.
Подобно ему, она растает на моем языке.

Глава третья

Джесси

Всегда прощайся с теми, кого любишь так, будто никогда больше их не увидишь.

Отец дал этот совет, когда мне было девять, и с тех пор я постоянно прокручиваю его в своей голове. Не знаю, почему слова папы заставили меня подумать о Бэйне. Возможно, потому, что я отчетливо помню, что сказала отцу перед его смертью.

Я больше не хочу тебя видеть, никогда.

Тогда мы только узнали о его интрижке, Пэм и я. В то время она еще позволяла мне называть ее мамой. Его предательство уничтожило кокон уверенности и счастья, в который я была укутана на протяжении всей своей жизни. Частично я винила его и за то, что случилось потом. Даже за Эмери. В конце концов, если бы не его измена, Пэм не пришлось бы заново выстраивать свою жизнь и она бы не встретила Даррена. Я бы все еще называла ее мамой. Мы бы жили в Анахайме, а не в Тодос-Сантосе. Я бы не водила машину, но, по крайней мере, была бы счастлива.

И мне бы не пришлось дружить с миссис Белфорт.

И не пришлось бы прятаться в Эльдорадо.

МЯТЕЖНЫЙ

Я бы была собой. Бедной, довольной и собой.

Хватит ныть, Джесси. Ненависть к себе не так уж плоха, когда к ней привыкаешь.

— Здравствуй, Имане! Сейчас подходящее время? — Я кинула свой рюкзак в холле дома миссис Белфорт.

— Она в столовой. — Имане, ее домработница, склонила голову, уступая мне дорогу.

Я прошла в столовую с ярко-синими стенами, дополненную высокими золотыми арками, красными занавесками и бронзовой люстрой. В центре комнаты располагался французский провинциальный обеденный стол, за которым могли разместиться не менее тридцати гостей. Миссис Белфорт сидела в одиночестве в конце стола, одетая в изумрудное шелковое платье с золотым вырезом, с насыщенно-красной помадой и прической в стиле старых фильмов. Она смотрела на пустой стул на другом конце стола, желая, чтобы на нем сидел ее покойный муж, Фред. Мое сердце сжалось в своей костяной клетке, каждый удар опалял жаром ребра изнутри.

— Миссис Би? — тихо прошептала я, чтобы не напугать женщину.

Она проигнорировала меня.

— Фред, попробуй устрицы. Они изумительны.

Фред ничего не ответил, потому что его здесь не было. Справедливости ради скажу, что устриц здесь тоже не было. Уверена, миссис Белфорт поужинала еще несколько часов назад. Наверняка Ула, ее повар, снова приготовила ей суп или запеканку.

«Твой единственный друг теряет рассудок», — цокнул тихий голосок в моей голове.

Мне хотелось верить, что этот голос принадлежал прежней Джесси. Что она все еще существовала где-то глубоко внутри меня, оставаясь моим неизменным собеседником. Хотя и понимала, насколько жалко это выглядит.

Образ Романа Проценко снова всплыл в моей голове.
Снежинка.

Я вспомнила его напряженный взгляд, когда он смотрел на меня. Он источал секс, даже если слова были вполне невинны. Я оценила его предложение. И даже почти поверила, что он не хочет залезть ко мне в трусы. Но я уже давно ни с кем не общалась и, черт возьми, не собиралась сейчас начинать. Ни с ним, ни с кем-либо еще.

— Миссис Би, — повторила я, подойдя ближе и положив руку ей на спину. — Может, выйдем на улицу и полюбуемся кустами роз? Или прогуляемся в лабиринте? — Она уже несколько месяцев не соглашалась посещать сад.

Джувьетта Белфорт отшатнулась и подняла на меня взгляд. Жизненный опыт и душевная боль омрачали ее лицо. А уставшее выражение на нем доказывало, что самой смертельной болезнью в мире являлось время. У Джувьетты было двое детей. И Райан, и Кейси жили на Восточном побережье, но она никогда не выражала восторг от идеи переехать к ним. Не то чтобы они предлагали. Из-за хрупких костей миссис Би надевала три слоя одежды, когда выходила на улицу, а в доме температуру термостата устанавливали где-то на уровне между костром и адом.

— Джесси, дорогая, я не могу сейчас уделить тебе время. Я обедаю с мужем.

В этот раз она хотя бы вспомнила, как меня зовут. Ее разум не всегда так ясен. Именно поэтому у нее есть постоянная медсестра, домработница и повар. И по этой же причине она не понимает, почему я продолжаю отклонять ее предложения сходить на свидание вслепую с ее милым племянником примерно моего возраста.

Я перестала рассказывать ей подробности моей ситуации, потому что на следующий день она все равно снова об этом спросит.

МЯТЕЖНЫЙ

Я не хожу на свидания.

Я не влюбляюсь в парней.

Я Неприкасаема.

И миссис Би всегда отвечала: «*Перестань так бояться любви. Она не может тебя убить!*»

Только именно это она и сделала.

— Ничего, если я подожду, пока вы, ребята, закончите? — Я слабо улыбнулась, мысленно умоляя ее поговорить со мной.

Она пожала плечами и отпила чай из изящной фарфоровой кружки.

— Как хочешь.

Я вернулась в холл и плюхнулась на скамейку с мягкой обивкой, вытащила из рюкзака книгу и пролистала брошюру про бесплатные объятия, которую мне вручила на улице какая-то девочка, когда я в последний раз ездила к Майре. Я улыбнулась иронии, глядя на слова в буклете, но не вникала в их смысл. Почему Бэйн хотел нанять меня? Я была бы дружелюбна к посетителям так же, как пневмония.

Слышал ли он мою историю?

Глупый вопрос. Конечно, слышал. Все в городе знали одну или парочку ее версий. Меня считали городской шлюхой. Иезавель¹. Вавилонской блудницей.

Я получила то, о чем просила.

Эмери Уоллес остался в их глазах несчастной жертвой обстоятельств. А я ведьмой, раздвинувшей ноги.

Может, Бэйн думал, что я легко сдамся.

Или, возможно, он действительно жалел меня.

Но это ничего не меняло. Несмотря на то, через что мне пришлось пройти, я не нуждалась в его благоотво-

¹ Жена израильского царя Ахава, ее имя является нарицательным для порочных женщин — гордых, властолюбивых и тщеславных.

рительности. Мне не нужно его милосердие, или работа, или симпатия. В них я также не нуждаюсь.

Черт, надеюсь, миссис Би уделит мне сегодня время.

Я прочитала несколько страниц, старательно пытаюсь выбросить Бэйна из головы. Временами разум миссис Би был так же ясен, как августовское небо. Я доверяла ей больше, чем готова была признать. Разговоры с ней складывались легче, чем с Майрой, моим психотерапевтом, потому что Майра всегда делала заметки и предлагала решения. Миссис Белфорт же очень редко помнила наши беседы.

Через двадцать минут Имане вышла из столовой со сложенными за спиной руками и с подавленным выражением лица.

— Прости, Джесси. Не сегодня. Фред... — У нее перехватило дыхание. Имане прикусила щеку изнутри, не в силах смотреть мне в глаза. — Фред неважно себя чувствует.

Я встала и уже направлялась в сторону двери, когда миссис Белфорт вышла из столовой, вцепившись в дверной косяк, чтобы удержаться на ногах. Она казалась незнакомкой, в глазах застыло выражение, которое я никогда раньше у нее не видела. *Ясность.*

— Моя дорогая, ты не можешь бояться любви. Это все равно что бояться смерти. Она неизбежна.

Любовь подобна смерти. Она неизбежна.

Эти слова еще долго преследовали меня после того, как я покинула дом миссис Би. Хорошо, что я собиралась на пробежку, мне было необходимо проветрить голову после такого странного дня.

Время после полуночи стало моим любимым. В три часа ночи время просачивалось в кожу, словно поцелуй,

МЯТЕЖНЫЙ

медленно и соблазнительно. Я не спала по ночам — именно в это время подкрадывались кошмары. Настолько ужасные, что в какой-то момент я перестала засыпать. Дневной сон урывками помогал держаться на ногах. Но чтобы проспать всю ночь? Нет уж, спасибо. Это практически приглашение на повторный показ «Инцидента». По кругу.

Сегодня вечером на меня, должно быть, наложили какое-то заклятие. Во время разговора с незнакомцем — незнакомцем-мужчиной — я чувствовала себя смелой и все ограничения и барьеры, что я сама себе установила, отошли на второй план.

Я вставила наушники. Песня «Time to Dance» группы Panic! At The Disco ворвалась в мои уши, когда в три часа утра я направилась в сторону трассы Эльдорадо. В носке я припрятала электрошокер и маленький швейцарский нож. Вдобавок к этому я жила в закрытом районе, по периметру которого каждый час проезжала патрульная машина. Мне пришлось взять с собой нашего лабрадора Шэдоу, он практически умолял меня об этом перед выходом. Он, вероятно, оставался последним живым существом, о котором я заботилась.

Пес бежал на поводке, отставая от меня, как и положено четырнадцатилетнему ветерану, коим он являлся.

«Неприкасаемая», — подумала я, ступив на бетонную дорогу. Даже я готова была признать, есть в этом слове нечто милое.

Вот только это не комплимент. Я получила такое прозвище, потому что никому не позволяла касаться себя. Никогда. Вообще.

Стук, стук, стук. Я бежала так, будто от этого зависла моя жизнь. Три года назад так и было. И я не справилась. Они меня поймали.

С тех пор я бегала дважды в день. Пять миль по периметру охраняемого района, в котором жила.

Бежала, чтобы вымотать себя физически и морально, чтобы иметь возможность заснуть.

Бежала, чтобы не пришлось стоять на месте, размышлять, вспоминать и рассыпаться на крупички.

Бежала от своих проблем, реальности и пустоты, которая грызла внутренности, подобно кислоте. Жгла, пожирала, уничтожала.

Моя рутина превратила меня в простого потребителя кислорода. Даже мне самой пришлось признать, что моя жизнь бесцельна. Я спала в дневное время и начинала жить глубокой ночью. Усердно тренировалась в подвале, стараясь избегать общения с Пэм и Дарреном, насколько это возможно. Они умоляли меня вернуться в общество, но я отказалась. После чего они забрали мою беговую дорожку, и мне пришлось выходить бегать на улицу. Они пригрозили, что лишат меня карманных денег, если я не найду работу, тогда я просто перестала их тратить. Вместо этого читала книги, гуляла с Шэдоу и опустошала свои запасы батончиков «KitKat», чтобы поддерживать в себе жизнь. Иногда я навещала миссис Би. Но никогда не покидала территорию Эльдорадо, за исключением еженедельных визитов к психотерапевту Майре.

Я посещала сеансы с Майрой с двенадцати лет и могла откровенно сказать, что она не способствовала улучшению моего самочувствия и никогда не стремилась ставить конкретный диагноз. Единственной причиной, почему я продолжала к ней ездить, являлась угроза Пэм выгнать меня из дома, если я брошу лечение, и я ей верила.

Люди как само понятие со временем начали казаться размытыми и чужими. Нечеткими, подобно черно-белому зернистому изображению на экране старых школьных телевизоров. Бэйн застиг меня врасплох, когда заговорил со мной, потому что этого уже давно никто не делал.

Подошвы ног горели, а бедра дрожали от напряжения. Я всегда была спортивной, но только после того, что слу-

МЯТЕЖНЫЙ

чилось со мной в старшей школе, я стала по-настоящему одержима бегом, далеко не в лучшем смысле этого слова. Пэм — она не любила, когда я называла ее мамой, утверждая, что выглядит для этого звания слишком молодо, — говорила, что после «Инцидента» я стала выглядеть «горячо», и я старалась не ненавидеть ее каждый раз после этих слов.

Джесси, ты только посмотри на свои ноги. Вот она, твоя визитная карточка. Просто постарайся раскрыться и веди себя менее странно, тогда все будет в порядке.

В такой поздний час на дороге были только мы с Шэдоу. Тем лучше. Когда прохожие узнавали меня, они либо смотрели на меня как на мусор, либо отводили взгляд, будучи уверенными, что так я не замечу жалости в их глазах. Одиночество давно стало мне другом. Настолько, что, по иронии судьбы, превратилось еще и в собеседника.

Позади меня Шэдоу начал громко пыхтеть, поэтому я остановилась, наклонилась и немного растянула мышцы, дотянувшись пальцами рук до носов кроссовок.

— Отдохни, Старина. — Я потрепала пса по холке в ожидании начала следующей песни на iPod.

— Джесси? Джесси Картер? — защебетал женский голос позади меня.

От неожиданности мое сердце пропустило удар. Я резко обернулась, вырывая наушники из ушей. Рен, девушка, с которой мы вместе посещали старшую школу, махала и бежала в мою сторону. На ней был наряд для клуба, состоящий из маленького красного платья, едва прикрывающего ягодицы, не говоря уже о двух силиконовых шарах, которые она получила в подарок на свое семнадцатилетие. Она была в тапочках и казалась пьяной, что заставило задуматься: какой идиот позволил этой двадцатилетней девушке тусоваться в баре до середины ночи. Я выдохнула. Рен жила в Эльдорадо. Вероятно, она заме-

тила меня, возвращаясь домой, и решила поздороваться. Хотя я и понятия не имела зачем.

— Я знала, что это ты, — выдохнула она, подтащив свое пьяное расслабленное тело к моему, напряженному и взволнованному. — Обожмой, я же говорила им, что это ты.

Им? Кому им? Я уже хотела спросить, когда Рен решила еще раз вставить свое несуществующее слово «обождмой».

— Обожмой, и я не могу поверить, что твоя собака все еще жива. Ему, должно быть, уже лет двадцать, верно?

Прежняя Джесси ответила бы, что не всем же быть такими молодыми, как ее новые сиськи и нос. Но нынешняя Джесси избегала конфликтов практически любой ценой. Рен окинула меня оценивающим взглядом с головы до ног. Ее взгляд был похож на яркий прожектор, направленный на спящее животное. Мне хотелось свернуться клубочком и умереть.

Она ухмыльнулась:

— Ты сногшибательно выглядишь, Джесси. Соблюдаешь диету Дюкана¹ или что-то подобное?

Я потрепала Шэдоу за ушами и возобновила легкий бег трусцой, надеясь, что она уловит намек и перестанет вести одностороннюю беседу. К моему разочарованию, она бросилась за мной, подстраиваясь под темп.

— Не будь стервой. Поделись секретом.

Быть изнасилованной своим же парнем и кучкой его друзей. Такой опыт либо полностью отобьет аппетит, либо сожрет тебя изнутри вместе со всеми чувствами.

— Я не сижу на диете, — напряженно процедила я.

— Ну, ты великолепно выглядишь! Точнее, ты всегда выглядела прекрасно. ОЧВ. — Она создала аббревиату-

¹ Диета, разработанная французским доктором Пьером Дюканом и основанная на белковой пище.

МЯТЕЖНЫЙ

ру из слова «очевидно», потому что оно было слишком длинным для ее священных уст. Первые три года старшей школы я входила в список самых популярных девочек. Практически была королевой. Опустошающие голубые глаза и невероятно длинные ноги. Меня называли Белоснежкой: темные волосы, бледная кожа, мать-ведьма. Способствовало и то, что я родилась и выросла в Анахайме. Моя мама только что вышла замуж за нефтяного магната, и все ученики Школы Всех Святых думали, что я из гетто. «Классная, но гетто», — повторял Эмери каждый раз, когда кто-нибудь спрашивал, видела ли я своими глазами, чтобы кого-то зарезали или подстрелили. После «Инцидента» мой статус резко упал. На самом деле к концу выпускного класса моя репутация опустилась даже ниже туалетных сидений и раздаточного стола в кафетерии Школы Всех Святых. Рен вместе с друзьями одна из первых начала выкашливать слово «шлюха» при моем появлении в коридорах и первая упоминала венерические болезни, когда ее просили пересесть за мою парту на химии и алгебре.

— Это действительно имеет огромное значение, — сказала я саркастически, воздержавшись от вопросов про ее жизнь. Я не хотела ничего знать.

— Хотела бы и я вкладывать столько усилий в свое тело. — Рен драматично вздохнула, еле поспевая за моей скоростью. От звука шлепков ее пьяных ног по земле мне хотелось выдрать себе волосы. — Но я так занята в школе, друзьями и своим новым парнем. Ты ведь знаешь, что я теперь встречаюсь с Джастином Финном?

Я этого не знала. После случившегося я перестала разговаривать практически со всеми. Единственная вещь, которую я помнила про Джастина Финна, — это то, как зубы его брата Генри касались моего бедра, когда я наконец очнулась, с головокружением и тошнотой, после того как они избивали меня до полусмерти. Его смех у меня